

юрий горюнов

А

В

Прощание
Колдуна

18+

Юрий Горюнов

Прощание Колдуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415136

SelfPub; 2018

Аннотация

Он удачный бизнесмен, нравится женщинам, но личная жизнь не складывается. Чтобы пережить личную драму, он уезжает в небольшой городок. Это он считает, что принял такое решение, а на самом деле идет по цепочке событий, чтобы познакомиться с тем, кто его ждет, и не знает, что его выбрали для неизвестной ему миссии. Но выбор принятия решений ему всегда предоставляется, как и женщинам, которых он встречает. Только цепочка событий замыкается вокруг.

ПРОЩАНИЕ КОЛДУНА

1

В саду под тенью яблони сидел старик. На вид ему было лет под восемьдесят. Его длинные седые волосы, спадая на плечи, четко просматривались в тени дерева. Одет он был в темную клетчатую рубашку и темные полотняные брюки. Чуть ссутулившись, он сидел на скамейке за столом, врытым в землю, на котором была горка яблок, что он перебирал. Мятые, откладывал в сторону, а чистые, без вмятин складывал в корзину, стоящую на земле, справа от него.

Солнце еще не поднялось в зенит, но воздух уже с утра прогрелся, и день обещал быть жарким. Тень яблони уберегала его от палящих лучей. Листва висела неподвижно от безветрия. Стоял зной.

Если бы кто стоял рядом с ним, то мог услышать странный разговор. Старик разговаривал, и было не понятно, то ли сам с собой, то ли с невидимым собеседником. Говорил он тихо, размеренно.

– Устал я. Что мне здесь делать? Общение с людьми уходит. Они другие и я другой. Может быть, я им и нужен, но мне уже стало скучно, от однообразия, хотя радоваться жизни не перестал. Хочу просто жить. Сила, дарованная мне, уже не приносит радости от результата. Устал я раздвигать горизонты прошлого и будущего, где вижу так много. Я же не сотру свою память. Давно несу по жизни

видения чужих жизней.

Замолчал, как будто слушал ответ, а затем продолжил:

– Можно еще раз попробовать, вдруг согласиться, хотя вряд ли. Но сделать еще одну попытку можно. Приедет, посмотрю, поговорю. Приедет, приедет, – покачал он головой в знак утверждения, – а что еще остается делать.

Снова молчание.

– Времена меняются, быстрее, чем иногда видишь. Меняются взгляды, манеры, сам образ жизни. Не вписываюсь я в него, да и не хочу. Доброта еще приветствуется, но не в почете, – он ухмыльнулся, – скоро будет сродни сумашествию. Люди не стали хуже, сменилась эпоха, и они меняют взгляды на жизнь, на ее ценности.

Пауза.

– Я думаю, надо смещать внимание туда, где потребность в знаниях больше, где люди живут, отвыкнув от спокойствия, все время торопясь. Они разучились созерцать. Да и как они это могут сделать в вечном движении, а здесь все затухает. Надо помочь увидеть себя, а это надо делать в крупных городах.

Молчание, которое он не прерывал, затянулось.

– Может быть выбор верный, не мне судить, но надо бы поговорить, чтобы оценить и создать ситуацию, когда он будет перед выбором, чтобы свернул на круг цепочки событий, пройдя который, вернется к началу точки отсчета, но в ином состоянии. Пока идет по кругу, ситуации надо ме-

нять, постоянно ставя перед выбором, только тогда его позиция будет крепкой в своих убеждениях. А если вдруг сойдет с круга, то оставить его в покое и прорабатывать другие варианты. Мы люди, и порой наши поступки не предсказуемы, а вмешиваться, принуждать, только испортит будущее человека. Надо давать ему свободу выбора. Подсказать можно, принуждать, нет.

Молчание.

– Все должно быть добровольно. Свобода выбора, одно из немногих, что еще пытается добиться человек.

Молчание.

– Я думаю, что определяюсь, как дальше жить. Если он будет достоин и согласится, то ее надо освободить от той ноши, что она несет по жизни, не зная сама. Тем, кто будет на его пути, надо будет подсказывать, чтобы не мешали. Но выбирать ему, но и им тоже, насколько поймут и примут доводы. Все добровольно. Преемника надо выбирать осторожно, взвешенно и пусть даже из поколения, которого еще нет. А что откладывать? Сегодня и начнем, а выбор предоставим. Раз в народе зовут меня Колдун, то пусть так и будет, оправдаю мнение людей, и пока моя сила при мне надо ее использовать. Пусть все мои последующие действия будут моей прощальной улыбкой Колдуна моему прошлому, которое не вернуть.

Он снова замолчал и продолжал перебирать яблоки. Его руки сортировали как бы сами собой, но мыслями он был в

другом месте.

– Говоря театральным языком, сценарий написан, действующие лица понятны, актеры подобраны, остается сыграть пьесу, – сказал он сам себе, и поднялся. На его лице была грустная улыбка, в глазах затаилось время и знания, которые он хранил в себе. Он знал о жизни больше, чем многие поколения вместе взятые.

Старик пошел в дом, который встретил его тишиной. Он подошел к дивану, сел и закрыл глаза, и словно погрузился в глубокий сон. Перед ним стали прокручиваться кадры, которые он видел как в кино, и в котором он был и сценаристом, и режиссером. Но актеры не знали еще о своих ролях, и что будут играть по сценарию, который не читали, да и не прочитают.

Молодая женщина, лет тридцати с блеском в глазах, рассказывала другой, более взрослой, на которую была похожа:

– Мне сделал предложение Евгений.

– Это хорошо. Ты уже не маленькая и время выходить замуж.

– Не маленькая, – вздохнула молодая, – но вот нет полета к нему.

– А не надо никуда лететь, надо жить. Рожать детей, наслаждаться дарованной тебе жизнью, радоваться про-

стому семейному очагу. Что тебе надо?

– Не знаю.

– Любви ждешь? Есть в мире любовь, но не до всех она доходит, а некоторые ее и не видят. Стоит она рядом и, вздохнув, уходит.

– Ну, ты наговоришь. Хочется, конечно, любви.

– Он тебе нравится?

– В общем, да. С ним спокойно.

– Тогда не забивай себе голову глупостями.

– Поеду-ка я к деду. Что он скажет.

Старшая насторожилась: – А надо ли? Ты же знаешь, что это может оказаться не лучшим советом, а в прочем, решай сама, как сердце подскажет, но не старайся заглядывать за горизонт.

– Я не буду спрашивать его прямо. Я как бы между прочим, как бы поразмышлять.

– Нашла кого обманывать! Он тебя насквозь видит, а ты как бы поразмышлять.

– Ну, все равно, может быть, и говорить ничего не буду. У меня скоро отпуск, вот и поеду к нему.

– Поступай, как решишь, а вот навестить его просто так, надо. Здесь я с тобой согласна.

– Тогда я с ответом подожду. Скажу, что дам его после отпуска. Все, решено, еду к деду.

Картина исчезла. Старик открыл глаза, улыбнулся себе в усы, встал и прошел на кухню. Подогрел чай, посидел за

столом за чашкой, отпил из нее и вернулся в комнату.

Его действия повторились, но картина была другая.

Смуглая, черноволосая женщина, лет сорока, сидела в хорошо обставленной квартире, в которой кроме нее не было никого. Она встала, прошла по комнате, подошла к окну, и, отодвинув занавеску, посмотрела за окно. Вернулась на диван. Вдруг по ее лицу пробежала тень сомнения, которая отразила ее мысли, с которыми она боролась. Старик слышал ее мысленный разговор, который она вела с собой.

– Он скоро придет. Скучно без него. Это тот мужчина, который нравится, которого я люблю. Думаю, он меня тоже. Любовь прекрасное чувство, легкое и тяжелое, но все равно прекрасное, хотя и требует жертв, которые иногда приятно приносить. Особенно со стороны женщины большие жертвы. Я уже не так молода, как и он. Мы оба сформировавшиеся личности, оба уверены в себе. В этом и беда. Трудно жить, когда оба сильны, и не может быть два командира в одном месте, в этом и проблема отношений. Мне легче, у меня есть ребенок, а него не было даже семьи. Он захочет ребенка, а вот готова ли я? Я привыкла к своему образу жизни, у меня есть бизнес, и я не хочу, не готова выпасть из него на время. Нельзя совмещать заботу о ребенке с делами. А может тогда, и нет любви? Увы, если бы это было так. Но любовь каждый понимает по-своему, чувствует ее через свое «я». А где мое «я» в этом случае? Если не решу во-

прос наших отношений, причем в ближайшее время, то будет только хуже. А так будет легко? Будет больно расставаться, но чем позже, тем больнее, особенно ему. Я уже морально могу настроиться, а он? Я держу его, а так он сможет создать семью, пусть не со мной. Позже будет сложнее. А сама как буду жить? Я попытаюсь жить без него. А получится ли? Вот и узнаю, если не смогу, тогда вернусь, на коленях. Наверное, я не права, но надо попытаться. Если попытается удержатъ, останусь, а нет уйду. Наивная. Он не будет удерживать. Я знаю, что не будет, потому что упрашивать о любви не станет. Любовь по убеждению, не любовь. Он гордый. Значит, остается то, что решила. Скажу, что ухожу, а там, что будет. Не смогу без него, приду с надеждой, что еще не поздно.

И тут она услышала голос: – Отпусти его. Сейчас ты не сможешь ему дать, что нужно, ты еще не готова, во всяком случае, не сейчас. Научись ждать. Все потом. Проверь себя.

Она вздрогнула и провела рукой по лицу, словно снимая усталость, от услышанного.

Старик открыл глаза. Они были грустными, потому что он понимал, что обрекал людей на страдания, на душевную боль, но иного пути не было. Он настраивал их мысли, которые они принимали за свои. Все определено. Выбор они сделают сами, каждый сам для себя. Они получают в итоге то, чего не ждут, и не худший вариант, но для этого надо пройти

часть пути своей жизни, и не по прямой. И чем меньше они знают, тем им легче, потому что будут уверены, что выбор сделан ими самостоятельно. И это правда. Им дали право выбора, просто они не знают, что любой их выбор приведет к началу пути. Они не буду разочарованы, надеялся он.

2

– Ну что ты маешься? Поехал бы куда отдохнул, развеялся.

– Отдыхают, когда устают, мама, а я не устал.

– А я не вижу! Нет, Юра, ты устал, только усталость твоя душевная. Физическую усталость снять проще. Выспался и все, а вот душевную носишь с собой.

Я сидел у родителей дома. Не часто я к ним заходил, дела все какие-то, лишь вечером вспомнишь, что надо было позвонить, а еще лучше зайти. Но звонить уже поздно, спят они, можно напугать ночным звонком. Ночной звонок – предвестник беды для пожилых людей. Это нам, молодым, пусть и относительно молодым, еще можно звонить, а их лучше не беспокоить. И с чувством сожаления, что снова не увидел и не услышал их, лежишь с закрытыми глазами, вспоминая их лица. Удивительно, но я помню лица своих родителей, когда они были молодыми, а я еще пацаном.

Вот и лежишь, порой, пролистывая память, и ругаешь себя, ругаешь, а изменить уже ничего не можешь, все переносишь на завтра, а завтра опять тоже самое. А они ждут.

Ждут, что я найду время и зайду. Им ничего не надо от меня. Им важно увидеть меня, чтобы я, их сын, сидел рядом, пил чай. Какое тут может быть оправдание? Причину, что не смог зайти, всегда найти можно, а вот оправдаться перед собой причины не найдешь. Да и не хотел я им показываться в своем состоянии. Они хоть и не вмешивались в мою жизнь, но родителей не обманешь, их опыт жизни скажет по моему взгляду больше, чем я сам расскажу. Да и рассказывать особо нечего.

Один я. Снова один. Не складывается у меня семейная жизнь. Сначала считал рано, все работал, создавал материальную базу. Создал. Все, что необходимо нормальному человеку, есть, а душевного спокойствия нет. Все ходил в жёнках. Потом познакомился с Ритой. Жили вроде бы хорошо, но, видимо, мне семейную жизнь не дано устроить. Ушла она. Сказать, что я сильно переживал, не могу. Переживал, конечно, но не до потери сознания. Нравилась она мне, но случилось так, как случилось. И причины особой не было. Разные мы, что ли? Она самостоятельная, обеспеченная женщина и привыкла жить, как она считала нужным. Не могу ее осуждать. Это ее жизнь. И вот в это время своего одиночества, нашел возможность заехать к родителям. Еще ранее, когда они спросили про Риту, я сказал, что мы расстались.

– И куда я поеду?– прервал я свои мысли.

– Ну, уж не на курорты. Там народу полно, шум. Тебе нужен тихий спокойный отдых.

– В санаторий для пенсионеров?– попытался пошутить я,– да я там от тоски взвою, а где много народа, наоборот лучше. Новые знакомства, общение.

– Ты уже познакомился. А в тишине можно подумать, природой любоваться, читать.

Она была права. С Ритой я познакомился в отпуске, когда ездил отдыхать в Испанию. Я сначала принял ее за местную. Смуглая, с черными волосами, фигуристая. Но, когда услышал родную речь, то понял, наша.

– Мне дум и на работе хватает. Да и куда?

– Поезжай-ка ты в Чистополье, небольшой городок. Места красивые, река. Там живет моя двоюродная сестра Катя. У нее свой дом, живет она одна, дети разъехались. Так что, и не совсем скучно и один. Поезжай, отдохни.

– Юр, а мать, верно, говорит,– подал голос отец. Он до этого молчал, не вступая в наш разговор,– давно, наверное, не был в глубинке. Поверь, там другое восприятие мира. Это когда совсем юный, то скучно. Надо посиделки, дискотеки, а потом получаешь удовольствие созерцая.

– Ну, ты отец, сказал. Надеюсь, что я еще не дошел до того возраста, чтобы, как дед, сидеть на завалинке и созерцать, рассматривая прохожих.

– Чтобы созерцать, надо иметь способность, и от возраста это не зависит. Вот и посмотришь, есть способность или ты уже без индустриального общества жить не можешь. Надоест – вернешься. Тебя там никто держать не будет.

Я задумался. А, может, и правда махнуть в глубинку. Сходить на речку, рыбу половить. Я же последний раз на рыбалке был в детстве. Все остальные рыбалки, если только с друзьями. А так, чтобы один...

– Поезжай, сынок, поезжай, – тихо сказала мать.

– А, может быть, вы и правы. Ладно, утро вечера мудренее. Завтра подумаю и решу. Я позвоню и скажу. Если надумаю, то ты сообщишь тете Кате, что я приеду. А то вдруг она не сможет принять.

– Она сможет. Она женщина добрая.

Я попрощался с родителями и поехал домой в свою холостяцкую квартиру.

Поставив машину на стоянку, пожелав доброй ночи консьержу, я поднялся к себе на пятый этаж.

Квартира встретила меня тишиной. Я прошелся по комнатам, словно видел их впервые, задержался у книжного шкафа, рассматривая корешки книг. Выбрал, что почитать на ночь. Ничего серьезного не хотелось, и я взял детективы Рекса Стаута. Там есть и юмор, и мысль. Затем включил телевизор и, пробежав по кнопкам, переключая каналы, выключил. Я пытался создать в квартире шум, видимость жизни не одинокого человека. Но, увы, это у меня не получилось. Это семейные, оставшись одни, предаются наслаждению тишиной, а одинокие не любят вечера. И что бы мне ни говорили, одиночество – скука. Всегда надо искать занятие, чтобы время не тянулось мучительно больно.

В рабочем кабинете одиноко светился темный экран монитора. Нет, никакого интернета мне не было нужно. Я уже переболел им давно. Теперь для меня интернет – источник информации, причем целевой информации. Это на заре мне было интересно. Искать старых друзей и подруг. А потом, найдя, понимал, что сказать-то и нечего. Нет общих интересов. А если узнавали мое состояние, то чувствовалась зависть. Начинались плоские шутки. Зачем мне это? Я не собирался опускаться до того, чтобы объяснять им. Да, пока вы рассуждали о смысле жизни, я пахал. Работал по 20 часов в сутки. Но зато теперь все есть. Почти все. Нет семьи. И я просто переставал общаться, пусть думают, что хотят.

Спать я лег в кабинете. Мечта детства – иметь кабинет. Имею, но укрываться не от кого, а от себя не укроешься.

Лежа я пытался читать книгу, но скоро понял, что не понимаю, что читаю. Надо, действительно, сменить обстановку. Съездить на недельку. В компании все идет хорошо, и без меня проживут, да и телефон при мне. Мать права. Что нового увижу на пляжах? наших соотечественников, которые распозлились по всему миру? Встречаются и очень приличные. В целом они все приличные, но частенько хотят показать себя. Девушки манят своими фигурами в расчете на улов, дамы среднего возраста уже на пляже в косметике с кремами, так что не поймешь, каков истинный цвет ее тела. То ли от загара, то ли от крема. «Пляж – место для флирта», как сказал мой знакомый. Там и здоровый заболит желани-

ем пофлиртовать. Столько открытых тел, что и фантазировать об их предназначении не надо.

А в глубинке, может быть, еще остались простые отношения. Да, поеду, пожалуй. А почему на недельку? Обойдутся без меня и на более длительный срок. Все. Не оказалось утро мудренее. Мудрей оказалась ночь и желание сбежать из пустой квартиры.

3

Осеннее солнце последними теплыми лучами согревало землю. Последние листья еще цеплялись за ветки, но уже не давали спасительной тени. Старик граблями собирал листья в кучу, на том месте, где была зеленая лужайка, а теперь лишь пожелтевшая, пожухлая трава. Он поднес спичку, и листва задымила, предаваясь огню.

– Ну, вот, механизм запущен. Движение началось. Его еще можно остановить или затормозить, но тогда надо начинать все сначала, только зачем? Будет ли от этого лучше? Пусть все идет, как и планировалось, – рассуждал он, глядя на занимавшийся костер и дым, который поднимался вверх столбом и растворялся в голубизне неба.

Вот так и моя жизнь улетучивается, растворяясь в общем потоке времени и пространства. Что я в нем? Маленькая частица, которая по мере возможности пыталась сохранить единство бытия. Это надо нам, людям. Жаль тех, кто не чувствует свою причастность к общему. Жизнь

скучна и сера, когда есть только свое. Все мы индивидуальны, но и все едины. Можно жить одному, но тогда слово «жизнь» превращается в звук или переходит в состояние выживания в борьбе со своим одиночеством и скукой.

Вот так и они, мои подопечные пришли в движение и скоро появятся здесь у меня. И пусть, я чуть повлиял на это, но они об этом не знают. Им хочется чувствовать, что решение принято ими самостоятельно. В сущности, так оно и есть. Ребенка учат ходить, и только когда он чувствует свою силу, начинает делать первые шаги. Так и я. Я просто помог, а дальше они сами выберут маршрут жизни.

Я рад, что они приедут. Я их жду и пусть своими поступками, мыслями поправят тот сценарий, который написан, а я не буду противиться.

Он сидел перед горячей кучей сухих листьев, изредка переминая их прутиком. Ему было приятно сидеть под теплыми лучами Солнца и наслаждаться игрой огня в ожидании задуманного.

4

Поезд размеренно стучал колесами по стыкам. Я стоял в проходе около своего купе и смотрел на мелькавшие за окном пейзажи.

Хорошо, что я поехал поездом. Есть время посмотреть, подумать. Самолет, конечно, хорошо и быстро, но небо из окна иллюминатора я видел достаточно часто, всю его кра-

соту, причудливость облаков. А вот так, посмотреть на окружающий мир! Давно, давно не ездил поездом, да и удобнее оказалось. За двое суток без пересадки смогу доехать и торопиться мне некуда. Сколько я в пути уже? Пару часов? И только сейчас стал осознавать, что надо иметь желание и возможность не торопиться.

– Чай будете?– вывел меня из раздумья голос проводницы. Я повернулся и, увидев ее добродушное лицо, кивнул головой.

– Да, это хорошо. Принесите, пожалуйста.

Проводница повернулась и пошла готовить чай, а я, открыв дверь, вошел в свое купе. Я взял билет в вагон СВ и выкупил все купе, не хотел, чтобы напротив еще кто-то располагался. Не хотелось разговоров.

Сев на диван, я продолжил рассматривать пролетающий мимо окон мир, который никогда не видел. Вошла проводница, дверь я не закрыл, и поставила поднос на столик. Переставив с подноса чайник, чашку и вазочку с сахаром, спросила:

– Еще что-то будете?

– Нет. Спасибо.

– Если что понадобится, я у себя в купе.

– Хорошо. Дверь закройте, пожалуйста.

Я вспомнил, как встретили мое сообщение, что ухожу в отпуск.

– Вы что, серьезно уходите в отпуск? А столько проектов в

работе! – удивился Иван Иванович, мой первый заместитель.

– Вот именно в работе. Для чего у меня такой штат? Чтобы работать. А вы на что? Оставайтесь и управляйте здесь.

– А если что...

– А если ничего, – не дал я ему закончить мысль, – никакой связи. Сделаете все хорошо – учту, завалите – тоже учту и спрошу по полной.

– Куда едете? В теплые страны?

– Нет. Остаюсь на родине. Давно не был. Устал от экзотики. В общем, я уезжаю и все.

Еще с утра я сказал водителю, чтобы тот завез меня на железнодорожный вокзал. Тот привык не задавать лишних вопросов. Я купил билет до городка, где жила сестра матери. Я решил сделать все сам, никому не поручая, чтобы даже не знали, в какую сторону я поеду.

Пока ехал на работу, позвонил родителям и сообщил, что через два дня еду к тете Кате, так что прошу мать позвонить ей, приготовить, что она хочет ей передать и спросил ее телефон. Затем зашел в салон сотовой связи, купил простой недорогой телефон и подключился к оператору, который в том небольшом городке имел вышку связи. Проделав все эти действия, я и приехал на работу сообщить, что ухожу в отпуск. Когда Иван Иванович ушел, я вызвал своего секретаря.

– Лена, я уезжаю в отпуск. Но уезжаю так, что не хочу, чтобы меня доставили вопросами, но и совсем без информации сложно. Поэтому, – я вырвал из блокнота листок и напи-

сал номер телефона,— это мой номер сотового. Аварийный номер. Никому его не давать и даже не говорить, что он у тебя есть. Тот, который всем известен, оставлю дома, чтобы не искушать. Только когда ЧП звони и когда одна. Хорошо.

— Я поняла, Юрий Петрович,— Лена взяла листок,— а на долго?

— Как получится. Но хотелось бы недельки на две.

— Мы будем вас ждать.

— Надеюсь. Да, и скажи в кадрах, чтобы Сергею, — вспомнил я о водителе, — тоже оформили отпуск, пока меня нет. Отпуск у него начнется послезавтра.

— Хорошо.

— А раз хорошо, то мне чашку кофе и почту, что надо посмотреть до отъезда.

Вскоре Лена принесла кофе, и я погрузился в работу. Следующие два дня прошли в делах. Я допоздна сидел на работе, стараясь подчистить «хвосты» отложенных дел. Накануне отъезда заехал к родителям, получил наставления, взял адрес тети Кати и подарки для нее.

Утром, вызвав такси, я отправился на вокзал. И вот теперь в пути.

Прямо интрига, получается,— подумал я,— очень узкий круг людей знает цель моей поездки, и то, каждый свою долю. Я улыбнулся своим воспоминаниям. Приехать я должен был утром. Отбросив мысли о работе, я вспомнил Риту.

Мы познакомились легко. Да и почему бы нет? Оба бы-

ли свободны, успешны, независимы, имели общие интересы. Разница была только в том, что у меня никогда не было семьи, как и детей, а у нее был сын, который учился в колледже за границей. Она владела бизнесом – одним из глянце-вых журналов. Это была успешная женщина.

В общем, возвращались мы тогда из отпуска вдвоем, и она переехала жить ко мне. Вместе мы прожили полгода. Особых ссор, размолвок не было, так, мелочевка. Делить было нечего. Мы не говорили друг другу слов любви, так как оба понимали ответственность за эти слова. Нам было комфортно вместе. И вот две недели назад она сообщила мне, что уходит.

– Юр, я решила уйти от тебя,– произнесла она, стоя ко мне спиной и глядя на улицу через окно.

Я сразу не уловил смысл сказанного.

– Не понял, повтори еще раз.

– Я решила уйти от тебя.

– Почему?

– Я много думала над тем, что все у нас вроде бы хорошо, но что-то не так.

– И что поняла?

– Мы слишком одинаковые, а должно быть иначе. У меня не должно быть того, что есть у тебя, а у тебя – что есть у меня.

– Поясни.

– Ты мужчина, ты сильный, уравновешенный, в меру спо-

койный. Ты защитник, за тобой как за каменной стеной. А мне этого не надо. Я не хочу, чтобы меня защищали, опекали, оберегали. Я все это могу сама. И чего тогда у меня нет, что надо тебе?

– Но как женщина ты соответствуешь своей природе.

– Увы, нет. В женщине должна быть природой заложена забота, нежность. Понимаешь, забота и нежность, – она повернулась ко мне, – а это редкость. Сейчас все больше внимание и ласка. А это совсем другое дело. Внимание – это не забота. Внимание – это, своего рода, необходимость для поддержания отношений. А забота – это потребность, желание делать что-то для другого человека. Нежность – это душевное понятие, а ласка – больше физиологическое. Забота и нежность нужна мужчине, а я этого дать не могу.

– Ты ударилась в философию.

– Могу себе позволить, уже взрослая женщина, притом способная думать. Но не это главное. Нет порыва между нами. Так все ровно, хорошо. К тому же у меня есть сын, а у тебя детей нет. А я рожать больше не собираюсь. И не возражай, – прервала она мою попытку, – не говори того, во что сам не веришь. Ты хороший мужик. Именно мужик, в его истинном значении, а не просто мужчина, как особь природы по половому признаку. Тебе нужна семья.

– Ты меня бросаешь?

– Нет. Я уйду. Если сейчас не понимаешь в чем разница, то потом поймешь.

– Я понимаю.

– Я надеюсь.

Я действительно понимал, что она имеет в виду. Когда люди употребляют «бросаю» – это более категоричная форма, что дальше все. Стараются забыть. Когда уходят, даже если закрывают двери, то оставляют в своей памяти человека, от которого уходят. Оставляют о нем все самое хорошее. В этом есть доля эгоизма. Уйти, чтобы оставить все себе, не дожидаясь плохого, которое может и не наступить.

– Когда ты решила уйти?

– Сейчас.

– Сейчас?

– Да. Я уеду на работу, ты тоже, а когда вернешься, меня здесь уже не будет. Я ушла и не вернулась.

– Ты считаешь свое решение верным?

– Не знаю. Но сейчас я думаю именно так. Ты прости меня, если сможешь.

– Не знаю, но попытаюсь тебя понять.

– Я на это рассчитываю. Я женщина, и острее чувствую приближение чего-то, что сама еще не понимаю. На интуитивном уровне. Я не могу это объяснить. Знаю только, что так лучше.

– Для кого?

– Для тебя.

– А ты у меня спросила, надо ли это мне?

– Надо. Именно сейчас. Возможно, потом я буду жалеть,

а возможно, и нет. Возможно, наши пути пересекутся.

– Может быть, это надо тебе?

– И мне тоже, конечно. Это не то, что обычно говорят «давай поживем отдельно». Это банальная пошлость, самоуспокоение. Отдельно, значит, отдельно и нечего потом опять сходиться, или надо жить вместе. У нас с тобой другое. Однажды я услышала голос в себе: «Отпусти его, ты не сможешь дать то, что ему нужно. Во всяком случае, сейчас. Научись ждать. Все потом». Не усмехайся. Ты знаешь, что я не очень-то верю в потусторонние силы. Это я сказала сама себе.

– Ты думаешь, мне одному будет лучше? И куда ты меня отпускаешь?

– В свободное плавание. Будет ли лучше, не знаю, но хуже не будет. Я понимаю, что мы уже привыкли друг к другу и будет тяжело первое время.

– Тогда зачем все это? Давай забудем этот разговор. И все.

– Не забудем. Это не мелочь. И потом я уже решила. А моя интуиция меня еще не подводила. Черета событий, которые последуют, будет иная, чем, если мы останемся вместе.

– Да что будет-то?– спросил я тихо и спокойно,– одиночество?

– Что-то будет. Я уверена. Но я немного удивлена твоим спокойствием.

– Я попытался договориться с собой.

Рита ничего не ответила и вышла из комнаты, чтобы одеться. Когда она вышла, чтобы уйти, я пошел проводить

ее в прихожую. Около двери Рита остановилась и повернулась ко мне. Она открыла рот, чтобы мне что-то сказать, но так и не нашла слов. Затем подалась ко мне, как-то неловко поцеловала, улыбнулась и вышла.

Дверной замок щелкнул и я остался один. Ее улыбка, такая грустная и прощальная, не выходила у меня из головы. Она ушла тихо, так и не сказав прощальную фразу, которую хотела произнести, но промолчала. Она унесла ее с собой. Как свою улыбку, так и истинную причину.

Я подошел к окну и, раздвинув занавески, посмотрел во двор. Рита вышла из подъезда и прошла к своей машине, не поднимая головы, хотя знала, что я смотрю. Светлый костюм, черные волосы, вот и все, что я видел. Она села в машину и выехала со двора.

Я отвлекся от воспоминаний и посмотрел за окно. Поезд двигался в своем направлении, унося меня. Отпив чаю, я понял, что тот уже остыл.

Прошлое, конечно, надо помнить, но я от него уехал не для того, чтобы тащить его багаж с собой. Я поднялся и, попросив проводницу запереть купе, направился в вагон-ресторан.

5

Поезд прибыл на станцию моего путешествия около восьми утра. Стоянка в этом небольшом провинциальном городке была всего пять минут, а мне больше и не надо было, что-

бы покинуть вагон.

– Всего доброго, – пожелал я проводнице, сойдя на перрон. Перед собой я увидел типичное здание вокзала маленьких городков, выкрашенное в желтый цвет, с покатой крышей и различными башенками на ней. Оно своей архитектурой возвращало меня на несколько десятилетий назад. По центру здания располагалась стандартная тяжелая дверь, коричневого цвета, в которую я и вошел. Пройдя сквозь зал ожидания, где стояли рядами пластиковые сиденья, на которых сидело несколько человек, я вышел на привокзальную площадь. Она меня также не поразила. Я стоял на ступеньках и, держа сумку в руке, рассматривал окружающее пространство с интересом. Плоды цивилизации дошли и сюда. Стояли маленькие магазинчики – палатки, с громкими названиями супермаркет, кафе, и все это вперемешку с тем, что было построено уже давно. Новые здания, не отличающиеся изяществом архитектуры, явно не вписывались в общий пейзаж. Бабушки, продающие семечки и прочую снедь с огородов, сидели рядками около магазина. Ну, куда же без них. Наверное, я был бы даже разочарован, если бы не увидел их.

Нет, все на месте. Так и должно быть. Я глубоко вздохнул, предвкушая неизвестность. Воздух отличался густотой и свежестью. Ни трубы, ни транспорт еще не испортили его своими выхлопами.

Осмотрев площадь, я направился к автомашинам, кото-

рые стояли слева от меня. Багаж у меня был скудный: дорожная сумка, которая не тяготила. Подойдя к водителям, которые заприметив, что к ним направляется клиент, ждали моего приближения, прервав разговор, который вели.

– До Яблоневой. Кто повезет?

– Садитесь, – ответил за всех мужчина лет пятидесяти, и подошел к старенькой «Волге», которая выглядела вполне прилично. Я положил сумку в багажник, который он открыл и сел рядом с ним. Он не торопясь завел двигатель, и мы выехали с площади.

По пути я назвал ему точный адрес и стал рассматривать город, проплывающий мимо меня. Район вокзала был застроен домами постройки пятидесятих годов. Затем пошли дома по-новее, уже панельные, но и они скоро закончились и мы въехали в частный сектор. Здесь сразу было видно кто и как живет. Дома были очень разные: и одноэтажные и более современные двухэтажные. Каждый дом был огорожен забором, но не как в элитных поселках, а небольшим, через которые было видно, что перед каждым домом растут кусты смородины, малины, иногда были кусты сирени. Немного пропетляв по улицам, мы подъехали к дому – цели моей поездки.

Дом тети Кати был одноэтажным, под металлической крышей красного цвета. Сам дом был выкрашен, синей краской с белыми наличниками на окнах. Он стоял чуть в глубине двора. Расплатившись с водителем, я подхватил сумку и толк-

нул калитку, которая предательски скрипнула, и тут же открылась дверь дома, а на пороге появилась женщина. Я не видел тетю Катю с детства, и если бы она прошла мимо, не узнал. Она, приставив руку ко лбу, защищая глаза от солнечно света, взгляделась в меня.

– Юра. Ты? Здравствуй, дорогой. А я, как позвонила Таисия, жду тебя. Проходи.

Я прошел по дорожке усыпанной белым кирпичом к дому.

– Проходи в дом, – и она, посторонившись, пропустила меня, войдя следом. Пройдя через веранду, я открыл дверь слева и вошел в дом. Слева от двери был дверной проем, без двери, через который я увидел кухню, где стоял стол, висели полки с посудой. Сам я оказался в достаточно большой комнате с диваном, телевизором, сервантом и трюмо. В середине правой стены была еще одна дверь.

– Вот здесь я и живу, – услышал я за спиной, – ты проходи, – и она, обойдя меня, пошла к двери справа, – вот в этой комнате ты и будешь жить, – она открыла дверь, и я вошел в свое временное жилище. Обстановка была скромной: кровать, платяной шкаф, стол у окна, которое выходило в сад и стул. На стене висело зеркало.

– Как тебе твоё пристанище?

– Все хорошо, – и я не лукавил. Комнатка была хоть и не большая, но чистая и уютная.

– Ты устал с дороги, сейчас будем завтракать. Ты пока раскладывай вещи, а я пойду, похлопочу. Приходи на кухню, –

и она вышла. Положив сумку в шкаф, я не стал утруждать себя вынимая вещи, за исключением бритвы и зубной щетки с пастой и прочих ваннх принадлежностей. Взяв все это в руки, прошел на кухню.

– Куда можно поставить?

– Да вон в ванную, – указала она мне на дверь из кухни, – дети построили. Там и стиральная машинка.

Я прошел и увидел, что ванная комната достаточно большая. Там же был и туалет. Разложив все на полочке, вымыв руки, я вернулся в комнату и достал из сумки платок.

– Тетя Катя, это вам, – и я протянул ей пуховый платок.

– Спасибо, Юра, – она приложила его к щеке, – мягкий и не колет. А ты что меня на «вы»? Проще.

Я сел к столу.

– Сейчас, – и она поставила на стол тарелку с оладьями, – ты, что пьешь по утрам?

– Кофе, – и открыл банку, которую захватил из сумки, хотя обычно утром кофе варил, а собой взял растворимый.

Пока я ел оладьи, она сидела напротив и смотрела на меня.

– Как вы все выросли. Что ты, что мои. А что тебя вдруг потянуло в нашу глухомань?

– Устал. Забот много, а отдыха нет. На море не хочу, там много народа, а мне захотелось тишины. Давно не был на природе.

– Тишины у нас хватает, вечерами аж в ушах звенит, и природа знатная. От нас не далеко до леса, а там речка, луга.

Ребятишки летом все на речку бегают, а сейчас тихо, учеба началась. Осень у нас в этом году теплая, но на веранде спать уже прохладно, вот я и постелила тебя в комнатке. А чем собираешься заняться? Не сидеть же со мной дома.

– Пойду, пройду до леса, посмотрю окрестности.

– Когда тебя ждать? Обедать когда будем?

– Не знаю. Давайте без обеда, а вечером и пообедаем и поужинаем.

– Хорошо. Сама я мало ем, уже не те годы.

– Мне даже неудобно, что ты готовить будешь, – обратился я к ней, как она просила.

– Юра, мне надо чем-то занять свое время, так что это для меня в радость. Скоро зима придет, насажусь еще около окошка. Хоть мы и живем в городе, а народу вечером, особенно зимой почти нет. Разве кто с работы пройдет.

– А транспорт у вас, где ходит?

– Вот от калитки налево пройдешь два дома, потом переулком на соседнюю улицу и там остановка автобуса.

– Да, я вспомнил, мимо ехали. А магазин?

– Мимо переулка дальше. Может быть, ты отдохнуть хочешь с дороги?

– Нет, я, пожалуй, пройдусь.

– Иди пока погода хорошая. Тогда лучше от калитки направо, а затем в переулок налево, там и выйдешь к роще.

Я поблагодарил ее за завтрак, накинул куртку, надел кроссовки вместо ботинок и вышел из дома. Следуя ее указани-

ям, скоро вошел в березовую рощу.

Осень. Мое любимое время года. Солнце уже поднялось, надо приходиться утром, когда туман стелется над землей, создавая иллюзию сказки. Последние туманы бабьего лета. Осенью в лесу особая тишина, она завораживает. Все замирает, успокаивается, и готовится к зиме. Нет суеты весны, есть покой. Осень раскрашивает деревья в разноцветные краски. Их буйство восхищает. Листья падают при малейшем дуновении ветерка. Тихо и грустно, но это не гнетущая грусть, а спокойная, умиротворяющая. Лес жил своей жизнью. Иногда его тишину нарушал шум невидимых движений.

Я шел рощей и вышел на поляну, где увидел куст полыни. Сорвал веточку и растерев в руках, поднес к лицу, почувствовав терпкий запах. Роща была не большая, и вскоре я вышел на опушку. Начался спуск к речке, которая синела внизу, а за ней было поле, дальше снова лес. На опушке я увидел поваленное дерево и сел на него, любуясь открывшимися просторами.

Да, велики просторы, есть что посмотреть. Теплое осеннее солнце согревало и я сел на землю, привалившись к дереву, закрыл глаза и очевидно задремал.

– Вы не боитесь простудиться? – услышал я за спиной тихий спокойный голос, – земля уже холодная.

Я обернулся и увидел женщину лет тридцати. Среднего роста. Русые волосы были собраны за спиной в хвостик. Оде-

та в джинсы, рубашка на выпуск, туфли на плоской подошве, светлая куртка. Глаза ее были темно-карие и весело смотрели на меня.

– Холодная земля может стать причиной длительной болезни, особенно у мужчин.

Я поднялся и встал напротив нее, нас разделяло дерево, внимательно посмотрел на нее, но она не отводила взгляд. Женщина не была красавицей, но в ее чертах, собранных вместе было очарование.

– А вы врач?

– Да, и потому чисто профессионально оцениваю последствия.

– Вы всех мужчин оцениваете с медицинской точки зрения?

– По обстоятельствам.

– И какие обстоятельства сейчас?

– Вы заняли мое место.

– Ваше место? – удивился я, – и в чем это проявляется?

– Я люблю приходить сюда и отдыхать, глядя на красоту.

Правда, красиво?

– Правда, – согласился я, – а что вас привело сюда? Будний день, а вы не на работе. Или не ваша смена?

– Не знаю, я в отпуске. Приехала к деду. А вы как здесь оказались?

– По той же причине, но приехал к тете.

– Судя по вашему виду, вы гость здесь случайный. К кому

приехали?

– К тете Кате.

– Я ее знаю, мы живем не далеко.

– Давайте знакомиться, раз мы почти соседи. Меня зовут Юра. Теперь ваша очередь.

– Ксения.

– Красивое имя. Я могу подвинуться – хоть я и стоял, – места сидеть обоим хватит, – протянул ей руку и она, опершись на нее, перешагнула через дерево и села. Я сел рядом.

– Надоел шум, вот и уехала, – продолжила она.

– А вы откуда приехали? – поинтересовался я.

– Из Москвы.

– И я оттуда же. Но город велик, а в больницы, я к счастью, не хожу.

– Поверьте, нам и без вас больных хватает.

Я оставил ее последнюю фразу без ответа. Она тоже не стала развивать свою мысль дальше. Мы сидели молча и наслаждались последними теплым лучами осеннего солнца.

– А вас, каким ветром занесло в этот городок? – нарушила она молчание.

– Да как-то грустно стало, состояние было такое, что захотелось уехать туда, где мало народу, где тихо и где могу побыть с собой наедине.

– Что-то вы действительно грустный. Много работы? А вы чем занимаетесь.

– Я строитель. Работаю в одной компании, – почему я ре-

шил не говорить правду, я и сам не знал, наверное, хотелось, чтобы меня воспринимали как обычного наемного работника. Я ее не знал и не видел смысла рассказывать все о себе.

– Из дома отпустили? А как же летом, на море. Лучше же.

– Если вы хотите узнать, женат я или нет, то не женат и не был.

– Надо очень, – фыркнула Ксения, – это ваше дело. И если откровенно, то в вашем возрасте это скорее минус, чем плюс. Пора иметь уже не только семью, но и детей. Это я вам как медик говорю.

– Кто знает, Ксюша, кто знает. Может быть, где-то и растет пацан, не ведая, кто его истинный отец, впрочем, как и я о нем в полном не ведении. Кстати, а почему вы подошли? А если я маньяк, сексуально озабоченный. Не страшно?

– Ну, да. Насильник, потаскун, – засмеялась она, – нет, видно было, что из другого теста. Конечно, опасение было, но я постояла, посмотрела, а уж потом решила вас разбудить. Но мысль уйти была.

– И почему не ушли?

– Любопытно. Лес тут не большой, все видно. Я уже все места здесь знаю, да и людей в округе. Не первый год приезжаю. Чужих здесь встретить сложно, так что особо не боялась.

– Тогда вам повезло, но не стоит рисковать. Сами знаете, что внешность обманчива.

– Догадываюсь.

– Пойду, я. Освобождаю место для созерцания. А вы все-таки подумайте, надо ли ходить одной по лесу, а уж тем более подходить к незнакомому мужчине. Это летом народ ходит, детишки бегают, а сейчас лес пустой.

– А что это вы так заботитесь?

Я взглянул на нее, ухмыльнулся: – Дело ваше, но жалко, если молодая женщина попадет в беду, – я не считал нужным, да мне и не хотелось знакомиться. Я приехал для себя, а не для кого-то. У нее своя жизнь, у меня своя.

– Всего доброго, – и я направился вглубь леса.

– И вам тоже, – услышал я ответ в спину.

Я шел по траве, пиная опавшую листву. Мне было не скучно, мне было уютно, и я практически сразу забыл о новой знакомой.

6

Тетя Катя была дома, и когда я вошел, первым вопросом был: – Обедать будешь?

Милые наши старушки. Насколько вы добры и понимаете, что первым делом надо накормить, напоить человека, а потом расспросы устраивать. Это и в сказках написано. Но не все понимают, почему так. Конечно, главное это от доброты, от заботы о человеке и я далек от мысли о каком-то личном интересе. Но и сам я стал понимать, что сытый человек откровеннее. Сам пользовался этим, предлагая заказчикам пообедать. Но расспросы с ее стороны уже были, так что к ней

это не относилось.

– Спасибо, обедать не хочу, а вот чаю попить снова.

– Тогда сейчас погрею. Пить будем в комнате, что на кухне уютится.

Вскоре она принесла в комнату чай, сахар, варенье, печенье: – Садись чаевничать.

После того, как она налила чай, поинтересовалась: – Где был?

– Ходил в лес. Красиво там, а главное тихо, спокойно. Отдыхаешь душой.

– Это верно. Лес у нас красивый. Я сама уже не хожу, а по молодости некогда было, так изредка, а по старости уже тяжело.

– Да, я там встретил женщину, Ксенией зовут. Лет тридцати. Милая такая. Говорит, что тебя знает. А ты ее?

– Ксюша? Конечно, знаю. Она часто приезжает к своему деду. Одинокая она. Вроде бы и внешность хорошая, а вот не складывается у нее семейная жизнь, как и у тебя. Вирус что ли ходит? Мать ее вышла замуж поздно, и то только тогда, когда уехала отсюда. А здесь никак. Да и за кого? Не знаю, но, наверное, это что-то в роду у них. Не все так просто. Если что дается, взамен что-то берется.

– Не понял. Что значит взамен?

– Дед ее, Степан, не просто старик, каких не мало. Колдун он.

– Кто?

– Колдун. Что не знаешь что это такое? Знаниями и возможностями он обладает такими, что обычным смертным не даются. Лечить может, да я и не знаю всего. Мы не часто общаемся, но если встречаемся, говорим.

– Значит колдун.

– Так народ называет.

– Колдун – это интересно. И что он делает?

– Я же говорю, много что умеет, но держится в тени, не лезет на свет. Я так думаю, что он много что может, от бабки своей унаследовал. Бывает к нему обращаются, но он не всех принимает, словно чувствует с чем к нему пришли. Он рано стал вдовцом. Жена его, Катерина, такая красавица была, но рано умерла, он дочку один воспитывал, так и не женился больше. Свои способности не показывал, сам понимаешь, тогда строго было, мог исчезнуть навсегда, а дочку надо было поставить на ноги. Лишь не многие знали о его даре. Приезжали к нему иногда большие начальники, сам никогда ни к кому не ездил. Может быть, потому и не трогали, что сами обращались.

– Так что он может? Будущее предсказать?

– Не знаю. Я его с детства знаю, а сейчас если и поговорим, то о наших стариковских делах.

– А сколько ему лет?

– За девяносто, он старше меня.

– И как он управляется с хозяйством?

– А как я? Дети иногда мне помогают, приезжают. А к

нему приходит женщина, помогает. Где приготовить, где постирать. Не часто, но бывает. Кто такая не знаю, Натальей зовут, а Ксюша, женщина простая, добрая. Видимо не передались ни её матери, ни ей способности Степана.

– Интересная семья.

– Может быть и интересная, но будь осторожен, хоть его бояться и не нужно, если придется встретиться.

Мы допили чай и я пошел в свою комнату. Дорога, свежий воздух сделали свое дело, и мне захотелось вздремнуть. Проспал я часа два. Когда проснулся, на улице уже были сумерки. Выйдя в комнату, я увидел, что тетя Катя сидит перед телевизором и смотрит какую-то передачу. Услышав, что я вошел, она обернулась.

– Проснулся. Садись, отдохни ото сна.

– Пойду, пройдуся.

– Оденься потеплее, вечера прохладные.

Я кивнул головой, надел свитер, куртку и вышел продолжать знакомство с местностью. Свернув налево от калитки, я направился вдоль улицы и, миновав переулок, дошел до магазина, который еще работал.

Это был обычный небольшой магазин, в котором продавались товары первой необходимости. Я обратил внимание на выпечку и кондитерские изделия. Хотелось купить что-то к столу. Я не стал предлагать тете Кате деньги, но пополнить ее запасы продуктами было необходимо. А сегодня так по мелочи.

– Добрый вечер, – услышал я голос рядом и, обернувшись, увидел Ксению. Она стояла и улыбалась мне своей доброй улыбкой, – как тесен мир. Какими судьбами?

– Гуляю. Зашел посмотреть, что здесь можно купить.

– Выбор здесь не велик.

– Посоветуйте. Я так далек от простых домашних радостей, что могу купить что-то не вкусное. Цена значения не имеет.

– Вот как! Тогда посмотрим.

Она, посмотрев на витрину, предложила мне печенье и конфеты, которые считались дорогими в этом районе. Сама купила сахарный песок. Мы вместе вышли из магазина, и пошли вдоль улицы.

– Ксения, как понимаю, вы в этом городе ориентируетесь. Не можете мне купить продукты. Я не знаю где и что. Не сидеть же на шее тети Кати, с ее продуктами.

– А кто же вам дома готовит?

– Так, то дома, – протянул я уныло, – сам готовлю иногда, но редко, много работаю. Но у себя я знаю, что и где купить, а здесь...

Не мог же я ей сказать, что давно сам практически не готовлю и вообще бываю в магазинах, в крайнем случае. Покупаю для завтрака и все. А обед это выше моих способностей и возможностей. Убирается и готовит мне женщина, которую я нанял для этих целей. Пока все устраивает.

– Хорошо, а что интересует?

– Все. Мясо, рыба, овощи, фрукты и так далее.

– Вы что решили заполнить полностью ее холодильник?

Он что такой большой у нее?

– Не очень, тогда придется новый купить.

– С вашими замашками, вы не похожи на рядового сотрудника.

– А я и не говорил, что рядовой. Это, во-первых, а потом, много ли одному надо? Расходы не так велики.

– По сравнению с доходами?

– Где-то так. Так как мы решим сей вопрос?

– Когда хотите делать закупки?

– Можно и завтра.

– Зайдите за мной завтра, после десяти.

– Ксюша, вы ангел на моем пути. Без проводника, мой путь к продуктам был бы труден.

– То-то я чувствую, что куртка мала. Наверное, крылья прорезаются.

– Очевидно, поддержал я ее, – мы засмеялись.

– А как ваш дедушка? Отпустит?

– Я уже не маленькая девочка, и могу выбирать с каким мужчиной и куда идти. К тому же он в здравом уме, что для его возраста очень не плохо.

– А чем он занимается в свободное время?

– А чем могут заниматься пенсионеры. Немного на огороде, немного чтения, телевизор. Обычный набор дел пенсионера.

– Иногда завидую пенсионерам

– Чем?

– Их относительной свободе. Они могут позволить себе делать то, что нравится, по своим возможностям, конечно, или не делать, если не хотят. А нам нравится, не нравится, а надо на хлеб насущный зарабатывать. Разве не так?

– Не задумывалась.

– Вам рано еще задумываться об этом.

– А вам пора? – усмехнулась она.

– И мне не пора, но уже можно.

Мы медленно шли вдоль домов, изредка бросая взгляды на окна, где уже был включен свет. Тихая окраина. Звезды мерцали в темном небе. Эта темнота наваливалась. Я решил не говорить Ксении о том, что мне сказала тетя Катя. Кто знает эти соседские дела, посмотрим, что будет дальше.

– О чем задумались?

– Смотрю на дома, слушаю тишину. Смотрю на звезды. Кажется, что там высоко кто-то наблюдает за нами, верша судьбы, а звездочки мигают потому, что блики от телескопов.

– А вы романтик. Небось в юности кружили головы впечатлительным романтическим девушкам, но как и тогда, вам это скоро наскучит, и захочется уехать.

– Тогда и уеду. Меня здесь никто не держит, а там не ждет. Нищему собраться – только подпоясаться.

– На нищего вы не похожи.

– К счастью. А вам здесь не скучно?

– Бывает, но у меня к дедушке дело, поэтому и решила приехать. Надо обсудить некоторые вопросы.

– Дедушка плохого не посоветует. Опыт жизни, – произнес я с юмором.

– И опыт тоже, – согласилась она.

Очевидно, тетя Катя была в чем-то права. Согласие Ксении было с не завершенной мыслью. Недосказанность некая. Интересно было бы с ним познакомиться, никогда не общался с колдунами. По телевизору много что показывают, а вот в реальности все иное. И я решил проверить.

– А может быть вам обратиться к гадалке для решения своего сомнения. Я не очень в это верю, но в молодости мне довелось по приглашению попасть на слет «юных Василис – волшебниц». Там было много интересного. Что я только не увидел. Правда, мысли никто не читал, но лечили, гипнотизировали. Это видел своими глазами, но за факт положительного результата не ручаюсь.

– Если не верите, зачем пошли?

– Я человек любопытный.

– А не верите зря. Я не могу это объяснить, но есть что-то такое, что влияет на нашу жизнь и, как, ни странно, иногда можно попробовать заглянуть в будущее.

– Вам это удавалось?

– Можете не верить. Мне лично нет, но другим это позволено.

– Кем позволено?

– Не знаю. Не все можно объяснить словами. А вот и ваш дом.

– Я вас провожу. Время позднее и мне не безразлично, как вы дойдете.

– Да мне близко я всех знаю.

– Нет, уж. Мне так будет спокойнее. Это без меня ходите куда угодно, когда угодно, но если я волею судеб оказался рядом, то несу за вас ответственность.

Мы, не останавливаясь, прошли дальше. В окнах дома тети Кати горел свет. Ждет. Идти до дома, где жила Ксения, было действительно не далеко. Дом стоял, как и у всех в глубине сада. Какого он был цвета не понятно, темно было, но был он одноэтажным, и достаточно большим по размерам. На улицу выходило четыре окна и дверь веранды.

– Вот здесь я и живу. Спасибо, что проводили.

Она стояла напротив меня. Ее взгляд был заинтересованным и немного лукавым.

– Спокойной ночи, до завтра, – и она неожиданно для меня, провела рукой по моей щеке, словно пометила меня своим запахом, который я на мгновение уловил. Это был запах свежести, свежей травы. Это было мгновение, и я не успел отреагировать, а она уже шла к дому. Из темноты я услышал: – Заходите. Где я живу, теперь знаете.

И снова тишина, только звук открываемой двери нарушил его. Я повернулся и направился обратно. Дома, выложил на

стол покупки.

– Вот нам к чаю.

– Какому чаю! Ты же не ел ничего сегодня.

– Не хочется. Давай перенесем обед на завтра. Да, завтра я поеду в центр. Так похожу, посмотрю. Куплю чтонибудь.

– Смотри сам, хотя все есть. А купишь, приготовлю. Что тебе рядом со мной сидеть. Съезди. Да, Таисия звонила, ты же не соизволил позвонить, что доехал.

– Спасибо, я действительно расслабился и забыл. Пойду, прочитаю, – и я ушел к себе в комнату. Достал планшетник и выбрал книгу из его памяти для чтения. Разделся и улегся в кровать. Когда глаза стали слипаться, я даже не стал смотреть на часы, а отложив планшетник, выключил свет.

7

Утром я проснулся рано, часы показывали семь. За окном рассвет только занимался. Что значит рано лечь спать и знать, что утром нет никаких дел. Я чувствовал себя очень бодрым. Оделся и вышел в комнату. Тетя Катя уже хлопотала на кухне и, увидев меня, кивнула, а я прошел в ванную, принял душ, побрился и когда вышел к ней, то на столе уже стоял чайник, лежал батон и колбаса.

– Садись, перекуси. Вчера же ничего не ел. Сейчас оладьи приготовлю.

Я налил себе кофе, сделал бутерброд и с удовольствием надкусил его. Все было не плохо. Скоро она поставила на

стол тарелку с оладьями, и я принялся за них. Она села напротив меня и тоже приступила к еде. Наевшись, я откинулся: – Спасибо, все очень вкусно.

Затем подошел к холодильнику и, заглянув в него, оценив содержимое, изрек:

– Все ясно. Надо заполнить.

– Да куда уж.

– Тетя Катя, я взрослый мужчина, работаю. Мне совесть не позволит заглядывать в холодильник, если я туда ничего не положил. Я куплю, что увижу. Кстати у холодильника уплотнение на двери старое. Наверное, пропускает и быстро намораживает.

– Это верно. Устала наледь снимать и размораживать.

– Решим этот вопрос. Все будет хорошо.

– Ты что задумал?

– Главное не думай ни о чем, поеду в центр за покупками.

– Езжай. Походи, посмотри наш город. У нас не как в столице, все тихо, мирно. Как добраться знаешь?

– У меня будет компания. Ксения обещала провести экскурсию.

Тетя Катя, внимательно посмотрела на меня: – Не увлекся ли ты ей? Она симпатичная, но не быстро ли?

Я засмеялся, подошел к ней, приобнял за плечи: – Не волнуйся. Одному совсем скучно. Я не имею на нее никаких видов.

– А она на тебя? Ты жених завидный.

– Хорошо, что напомнила. Я ей сказал, что я наемный сотрудник, не совсем рядовой, но и не высокого полета. Так что она обо мне не знает. Я ученый на эту тему.

– Хорошо, не скажу.

День выдался солнечный, но была осень, и я оделся с учетом сезона. Взяв бумажник, вышел из дома. К дому, где жила Ксения путь был короткий и скоро я открывал калитку и рассмотрел дом уже при дневном свете. Это был основательный дом, размером больше, чем у тети Кати. Под нержавеющей крышей. Сам покрашен светло зеленой краской. Подойдя к двери, нажал звонок, и он отозвался в доме. Подождав, и не услышав никакого движения внутри, снова нажал. Тишина. Тут услышал сбоку шаги, которые раздавались со стороны сада. Сойдя по ступенькам, заглянул на дорожку, ведущую в сад за дом. Навстречу мне шел мужчина, на вид лет восьмидесяти, хотя ему, я вспомнил, было больше. Роста он был выше среднего. Широкие плечи. Волосы, как и аккуратная борода, были совсем седые. Обут в резиновые сапоги, в которые заправлены темные брюки. Рубашка серого цвета, выглядывала из-под темно-синей куртки.

Подойдя, он остановился напротив и внимательно стал рассматривать меня. Его темные глаза, словно рентген, просвечивали, но в них был интерес к незнакомому человеку, не более.

– Проходи. Ты как понимаю племянник Кати?

Я кивнул в знак согласия.

– Мне Ксюшка говорила о тебе. Ты к ней, наверное. Она ушла в магазин, скоро будет. Так что пойдём в дом, там пождешь.

И он, поднявшись на крыльцо, достал из кармана куртки ключ. Открыв дверь, прошел внутрь, я за ним. Он не оборачивался, зная, что иду следом. Мы пересекли веранду и, открыв еще одну дверь, вошли в дом. В небольшой прихожей он снял сапоги и прошел в комнату. Увидев мою попытку разуться, вымолвил: – Не разувайся. Так проходи.

Я вошел следом за ним и остановился на пороге, осматривая комнату. Она была достаточно просторна. У одной стены стоял диван и большой платяной шкаф. Направо в стене дверь, ведущая в другую комнату. В углу стоял телевизор. На столе у окна лежали бумаги и книги, что было не привычно для домов такого типа, где живут пожилые люди. По обе стороны двери, что справа, стояли кресла с темно-зеленой обивкой.

– Что стоишь? Садись, – показал он на кресло, а сам сел в углу дивана около стола, – как тебя зовут?

– Юрий.

– А меня Степан Никодимович.

Я подошел и сел в кресло и сразу почувствовал запах старомодности. Не запах старых вещей, а именно старомодный, такой знакомый с детства. Я не знал, что говорить, а сидеть просто так в молчании, было неудобно. Я взглянул на Степана Никодимовича. В его внешности поражали глаза, темные,

зоркие. Они явно были не по его возрасту. У меня создалось впечатление, что меня ждали. Ждали моего прихода в этот дом. Что Ксения ему сказала? Стоп. Он не говорил, что она его известила о моем приходе, но он не удивился моему появлению, а лишь спокойно смотрел на меня из-под своих седых бровей.

Я перевел взгляд на стену, на которой висело несколько фотографий. Мое внимание привлек старый снимок в рамке. Я помнил такие фотографии из детства. Черно-белые, выцветшие. Они висели почти во всех домах. На фотографии была женщина в одежде пятидесятых годов. Не спрашивая разрешения, я встал и подошел ближе. На фотографии женщина стояла среди деревьев, как понял, практически на том месте, где я познакомился с Ксенией. За спиной вдали простиралось поле с неявной опушкой леса вдали.. Это была фотография из тех старых, которые имели оттенки серого и коричневого, и не имели четко выраженных линий, что придавало некое слияние с фоном, где женщина лишь подчеркивала свое нахождение.

– Моя жена, – пояснил мне Степан Никодимович.

У женщины были густые волосы, прямая осанка, голова гордо приподнята на красивой шее.

– Красивая у вас жена.

– Красивая, – согласился хозяин дома, – но все в прошлом. Она из дворянского рода. При всей сложности жизни тех лет, умела следить за собой и хозяйство вести.

Я промолчал в ответ. Она действительно была красива. Про себя отметил, что фигура у нее хорошая. Это было время женщин, когда у них была грудь, а не бюст.

– Она умерла очень быстро. Это последний снимок.

Я отошел от стены и снова сел в кресло.

– Вы, Юрий, какими судьбами оказались в наших краях? Я здесь всех знаю, а вас вижу впервые.

– А я впервые здесь. Захотелось уехать от городской суеты.

– От суеты уехать можно, от себя не уедешь. Верно?

– Верно. Захотелось побыть одному, подумать. Вы как в воду смотрите, определяя причину.

– Что в нее смотреть. В лучшем случае увидишь свое отражение, а так муть. Смотреть надо в душу.

– В ней тоже может быть много мути. А вы можете смотреть в душу?

– Всякое бывает, – ответил он уклончиво.

– Чужая душа потемки, так говорят.

– Это для кого как. Иногда душа человека очень даже не плохо открыта, но для тех, кто умеет видеть.

– Это не всем дано, но и мне приходится по жизни если не заглядывать в души, то принимать решения по ситуации. Попытаться понять, что делать, жить или существовать.

Он улыбнулся в усы: – Существовать глагол активный. Он требует действий. Я бы даже сказал повелительный глагол.

– Это почему?

– Он обязывает нас существовать на этой земле, а не владеть жизнью по воле обстоятельств.

– Но не всегда можно управлять обстоятельствами, тем более предвидеть, – заметил я.

– Обстоятельства зависят от многих людей. Они не сами по себе существуют. Обстоятельства формируют люди. И вот надо уметь влиять на людей, чтобы формировать обстоятельства для себя.

– Даже в ущерб другим?

– Если в ущерб другим, то это не обстоятельства, это жестокость.

– А стихийные бедствия? Это же тоже может быть обстоятельством.

– Верно, может, но это говорит лишь о том, что такой вариант не посчитали нужным рассмотреть. Надо учиться управлять.

– Думаю это дано не многим.

– Не соглашусь. Это дано многим, но эти многие не хотят видеть явного, не хотят потрудиться, заставляя работать ум, здравый смысл.

– А вы обладаете такими способностями?

– В какой-то мере. Тебе уже, наверное, рассказали обо мне. Но это скользкий путь. За все надо платить.

– Да, за все надо платить, – вздохнул я, – порой даже изменить другим, не в плане супружеской измены, – пояснил я на всякий случай.

– Я понял, что ты имеешь ввиду. Но главное не изменить себе. Вот за это приходится расплачиваться по счетам.

– У вас богатый жизненный опыт, который вы накопили, вам есть с чем сравнивать.

– Все относительно. У вас есть главное – молодость. Ваши приобретения еще впереди.

– Это вы о чем?

– То, чего тебе так не хватает сегодня, то от чего уехал. Все еще будет.

– Хотелось бы верить.

– А и не надо верить. Ты просто сделай вид, что веришь и будет легче.

– Хорошо, попробую, последовать вашему совету.

– А ты приходи. Я всегда дома. Посидим чаю выпьем.

– Спасибо.

– Кажется, Ксюша идет, – произнес Степан Никодимович, услышав шум на веранде.

На пороге возникла Ксения.

– Доброе утро, – приветствовала она меня, – вот твой хлеб, – и она, показав пакет, прошла на кухню. Затем вернулась и спросила: – Тебе еще что нужно? А то я обещала Юре в центр съездить.

– Езжайте, я сам управлюсь.

– Пошли, – сказала она мне, и я попрощался с хозяином.

Когда мы вышли на улицу, Ксения мне поведала: – Утром дед отправил меня в магазин за хлебом, а когда я сказала, что

он еще свежий и на обед хватит, то он сообщил, что вчерашний испортился. Я ему ничего не говорила про то, что придешь. Но меня сначала возмутило его заявление. Вчера купила. Пошла посмотрела, а хлеб действительно пахнет плесенью. За один день испортился. Никогда такого не было. Пришлось идти, а в магазине очередь. Думала, успею до твоего прихода.

– Все нормально, – не счел я нужным делиться своими мыслями, почему вдруг испортился хлеб и что ее отправка в магазин, не показалась мне случайной. Как он сказал – обстоятельства формируют люди.

– А мы с ним поговорили. Интересный у тебя дед. Фотографию твоей бабушки посмотрел.

– Правда красивая была?

– Правда. Твой дед пригласил меня в гости, – счел нужным я ее известить.

Весь разговор мы вели на ходу и уже свернули в переулок, как Ксения резко остановилась и повернулась ко мне:

– Не может быть!

– Почему?

– Он мало общается. Обычно к нему просят прийти, а чтобы сам пригласил. Чем ты его покорила?

– Не знаю. Явных причин не было.

Она пошла дальше, и я последовал за ней, чтобы не отстать. Она шла, и было видно, что думает о чем-то серьезном...

– Видимо, он что-то знает или чувствует. Если пригласил – приходи. Интересно меня он отправит куда-либо?

– С чего бы? – удивился я.

– Посмотрим. Потом все увидишь. Я сама в раздумьях. Ладно, не будем о том, чего не знаем. У нас поход в центр, вот и пойдем его покорять.

8

Мы дошли до остановки и сели в автобус. Сидя рядом с Ксенией, я чувствовал ее тело, но не это занимало меня. Конечно, находится рядом с милой женщиной было приятно, но я так давно не ездил на общественном транспорте, что обстановка вокруг, меня привлекала больше. Подошел кондуктор, дородная женщина, и я, заплатив за обоих, стал рассматривать, полученные билеты.

– Счастье по номеру ищешь? – язвительно спросила Ксения.

– А счастье имеет номер?

– Кто знает, а вдруг каждому из нас уготовано счастье под своим номером, и мы пытаемся его вытащить.

– Ну, не у кондуктора же вытаскивать? Или она добрая фея?

– Откуда мне знать. Может днем она кондуктор, а вечером творит чудеса.

– С ее формами я даже не представляю, что за чудеса может творить. Хотя кому что нравится.

Ксения фыркнула: – Грубиян, взял и охаял женщину. Так что там с номером.

– Я не выбираю счастье по номерам, – и переключил внимание на пассажиров. Видимо мой неподдельный интерес к окружающим не ускользнул от ее внимания.

– А ты вообще, когда последний раз ездил на автобусе?

– Даже не помню. Все больше на машине.

– Хорошая?

Я пожал плечами: – Нормальная. Мне нравится.

– А я все больше на общественном транспорте. На свою еще не накопила.

– Все впереди.

– Думаешь?

– Уверен.

– Мне бы твою уверенность.

– Мою не надо, лучше иметь свою.

Автобус по мере продвижения к центру заполнялся пассажирами. Вот пожилой мужчина, в тряпичной кепке, зашел и сел не далеко от нас. Доброе, старческое лицо. «Интересно, каким буду я» – занимал я себя мыслями, замечая, что Ксения изредка посматривает на меня и улыбается.

– На следующей остановке нам выходить, – сообщила она, и мы направились к выходу. Когда автобус отъехал, она спросила:

– Какие планы? Что надо приобрести?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.